

ГРУППОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Отмечается, что анализ преступных групп осуществляется, как правило в рамках института соучастия. Считая, что о преступной группе можно говорить при любой форме соучастия в преступлении, автор не склонен отождествлять эти понятия, поскольку понятие «преступная группа» по своему объему может совпадать с соучастием, а может не совпадать.

Ключевые слова: преступная группа, соучастие, преступление, современность, субъект, множественность.

Категория «групповое преступление» является одной из важных и неоднозначных в науке уголовного права. И это не случайно, поскольку речь идет о совместном совершении преступления двумя и более лицами. Очевидно, что совершение преступления группой создает дополнительные сложности в предупреждении таких преступлений и в привлечении к ответственности лиц, их совершивших.

В настоящее время почти треть всех преступлений в России совершается в группах, поэтому проблеме группового преступления уделяется много внимания в науке уголовного права.

В работах исследователей анализ преступных групп осуществляется, как правило, в рамках института соучастия. И такой подход вполне объясним, поскольку имеющийся большой теоретический и эмпирический материал, накопленный в течение многих десятилетий, объективно способствует дальнейшему развитию в науке проблемы соучастия в преступлении и реализации результатов исследований в уголовном законодательстве.

Так, уголовно-правовая наука рассматривает соучастие как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении единого преступления [1, с. 57–59, 243–244]. По мнению исследователей, совершение соучастниками совместных действий влечет причинение совместного преступного результата, который является общим и неделимым для всех участников преступления и подлежит вменению каждому из них. Исследователи отмечают, что объединение усилий соучастников может осуществляться двояко: в форме простого объединения усилий и сложного объединения усилий [2, с. 5] – и что между действиями каждого соучастника и наступившим преступным результатом должна существовать причинно-следственная связь [1, с. 65].

Большинство исследователей считают, что соучастие возможно только в умышленных преступлениях [3, с. 40–41, 61].

Исследователи едины во мнении, что совместность действий увеличивает вредоносный результат преступного посягательства и превращают его в качественно иное посягательство, чем посягательство, совершающееся одним лицом. О соучастии мы говорим в тех случаях, когда налицо разделение ролей и участие в конкретном преступлении проявляется в пособнической, подстрекательской деятельности и когда соучастник преступления является его исполнителем (соисполнителем).

И все же мы говорим об общественной опасности таких действий. Без совершения преступления не существует преступника и преступной группы. До совершения преступления лицами, объединенными в какую-либо группу, эти явления существуют в ином социальном качестве, не обладающем свойством преступного.

Именно на основе преступления или их совокупности, образующих преступную деятельность, несколько лиц объединяются в преступные группы. Эти лица представляют субъективный состав этой общности или ее количественный признак.

Общественная опасность совершенного преступления является основным критерием, определяющим общественную опасность его субъекта – конкретного лица или преступной группы. Однако преступление, как интегрирующий элемент, зависит и от других элементов – лиц и преступных групп, поскольку без их существования невозможно существование самих преступлений.

Негативные последствия преступления являются основным, но не единственным компонентом его общественной опасности. Вторым ее компонентом служит возможность повторяемости преступления в будущем (т.е. прецедентность), а следовательно, в возможности наступления для общества новых негативных последствий. Преступными признаются не единичные общественно опасные деяния, а такие, которые обладают прецедентным характером, несут в себе свойства человеческой практики [4, с. 9–10].

Общественная опасность преступления определяется его характером и степенью. В основе характера общественной опасности преступления лежит характер тех социально-негативных последствий, которые оно способно повлечь; степень общественной опасности преступления обусловлена глубиной этих последствий, а также степенью прецедентности самого преступления, влекущего такие последствия.

Другим элементом преступной группы, влияющим на ее общественную опасность, являются лица, совершившие преступления в группе. Критериями общественной опасности лица, совершившего преступление, является само преступление, совокупность свойств и качеств личности, обусловивших ее преступное поведение, условия жизни этой личности (криминогенные, антикриминогенные). Собственно общественная опасность лица, совершившего преступ-

ление, представляет собой угрозу совершения им нового преступления [5, с. 30–36]. Наличие такой опасности придает прецедентный характер лицу, совершившему преступление, в том смысле, что существует возможность повторения его существования в социальной роли преступника в результате совершения им нового преступления. Отметим, что общественная опасность такой личности является не только потенциальной, но и уже существующей (реальной). Это обусловлено тем, что, во-первых, общество уже несет затраты, связанные с необходимостью воздействия на такую личность (в данном случае мы имеем в виду производство доказывания, следствия, применение к лицу мер пресечения и т.п.), во-вторых, в самой личности в результате совершения преступления формируются негативные последствия: личность приспосабливается к социуму через реализацию преступного поведения или изменяет свое отношение к принятым в обществе социальным ценностям в негативную сторону. Именно эти последствия преступления, наступившие в личности лица, совершившего преступление, определяют реальную возможность совершения им нового преступления. Характер общественной опасности личности преступника определяется в основном характером социально-негативных последствий, причиненных преступлением, а степень общественной опасности – степенью прецедентности существования такой личности в качестве субъекта преступной деятельности.

Вредоносный аспект общественной опасности преступной группы состоит в объединении в ней лиц, совместно совершающих преступление; прецедентный аспект – в возможности дальнейшего существования сложившегося совокупного субъекта преступления.

Общественная опасность преступной группы как коллектива субъекта преступной деятельности состоит в ее способности повышать негативные индивидуальные способности лиц, участвующих в совместной преступной деятельности. Это происходит следующим образом.

Во-первых, преступные группы осуществляют опосредованную адаптацию их участников к социальной среде через преступное поведение.

Во-вторых, преступные группы облегчают приспособление свойств социальной среды к преступной деятельности.

В-третьих, преступные группы усиливают негативное преобразование социальной среды лицами, совместно совершающими преступления.

В-четвертых, преступные группы аккумулируют и воспроизводят прошлый криминальный опыт.

В-пятых, преступные группы осуществляют те виды криминальной деятельности, которые часто затруднены (или невозможны) для индивидуальных лиц.

В-шестых, преступные группы усиливают криминальную мотивацию своих участников, являющуюся субъективной причиной преступления.

В конечном счете преступная группа существенно влияет на показатели общественной опасности лиц, совершающих совместное преступление, по сравнению с лицами, совершающими преступления в одиночку.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «соучастием в преступ-

лении признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления» (ст. 32 УК РФ). Исходя из данного определения, можно выделить основные признаки соучастия, которыми являются: совместность действий двух и более лиц; наличие единого умысла участников, направленного на совершение умышленного преступления.

В соответствии со ст. 33 УК РФ соучастниками преступления являются: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. А ответственность соучастников преступления в соответствии со ст. 34 УК РФ определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Действующее уголовное законодательство в ст. 35 УК РФ устанавливает конкретные формы совместного совершения преступления: совершение преступления группой лиц; совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; совершение преступления организованной группой; совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией).

В юридической науке отсутствует единое понимание группового способа совершения преступления.

В частности, В.И. Ткаченко и А.М. Царегородцев видят суть группового способа совершения преступления в том, что каждый из участников лично и непосредственно участвовал в совершении преступления в качестве исполнителя, т.е. выполняя объективную сторону конкретного состава преступления [6, с. 17–20]. По мнению авторов, которое разделяют и другие исследователи [7, с. 5, 62–61], конституирующими признаком, характеризующим преступную группу и отличающим ее от других форм соучастия в преступлении, является фактическое участие всех членов группы в полном или частичном воздействии на объект уголовно-правовой охраны.

Близка к приведенной выше позиции и позиция исследователей, считающих, что преступной группой в уголовно-правовом значении следует считать такую, где присутствует соисполнительство в совершении преступления, но необходим еще один признак: предварительный сговор участников на совершение преступления [3, с. 70–71].

Ряд исследователей считают, что о преступной группе можно говорить при любой форме соучастия в преступлении. При этом одни авторы связывают это с обязательным наличием предварительного сговора на совершение преступления, не раскрывая основных признаков такого сговора [8, с. 11], другие считают, что предварительный сговор обязательно должен характеризоваться распределением функций между соучастниками и осознанием каждым из них своей принадлежности к преступной группе [9, с. 127], третьи полагают, что преступная группа может быть и при соучастии без предварительного сговора [10, с. 8].

Судебная практика также не отличается единообразием в понимании группового способа совершения преступления, хотя во многих случаях как групповое преступление квалифицируется исполнительство [11].

Избежать противоречивой судебной практики в применении норм о соучастии в преступлении может

позволить унификация терминов в уголовном законе. Представляется, что все разновидности соучастия должны быть названы групповым преступлением, поскольку уголовное законодательство, определяя соучастие как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, выделяет все необходимые для совместной преступной деятельности признаки с определенной спецификой применительно к уголовно-правовой реальности. Прежде всего, участие двух и более лиц, обладающих признаками субъекта преступления, в совершении конкретного преступления означает включенность в совместную деятельность нескольких лиц. Совершение соучастниками совместных преступных действий означает их взаимодействие, складывающееся из разделения функций и соединения усилий нескольких лиц, и воплощается в виде наступившего или реально возможного вреда, имеющего уголовно-правовое значение. Указание в законе на совместное умышленное участие соучастников в совершении умышленного преступления означает наличие у них общей групповой цели, реализуемой в преступлении. Такой цели нет в неосторожных преступлениях.

При всем многообразии подходов к определению преступной группы в уголовно-правовой науке существует нечто большее, что их объединяет. Таким объединяющим признаком является стремление исследователей рассматривать преступную группу как одну из наиболее опасных форм соучастия в преступлении. И, как следствие, большинство предложений по совершенствованию сводятся к необходимости расширения конкретных норм Особенной части УК РФ за счет выделения таких квалифицирующих признаков, которые бы учитывали разные формы группового преступления и предусматривали повышенную ответственность участников.

Представляется, что не всегда приводимые исследователями аргументы выглядят достаточно убедительными. Например, предлагаемое введение обязательного признака для определения преступной группы в виде предварительногоговора вряд ли позволит выделить преступную группу как одну из наиболее опасных форм соучастия. Это обусловлено тем, что, во-первых, предварительныйговор в его простейшей форме не во всех случаях повышает общественную опасность совершенного преступления, на что совершенно справедливо обращал внимание А.Л. Ременсон [12, с. 117]. И даже перечисление признаков, обязательных для предварительногоговора, не способствуют усилению аргументации в пользу избранной позиции авторов (П.Ф. Тельнов, Л.Л. Кругликов), поскольку это указывает на уровень организованности группы, но не на сам факт ее существования. Исследователям не удается выявить какие-либо сугубо уголовно-правовые признаки, наличие которых было бы характерно только для преступной группы и отсутствовали бы, например, при соисполнительстве или при соучастии с юридическим разделением ролей.

Во-вторых, не следует отрицать (не признавать) наличие группы в случаях, где отсутствует предварительныйговор. В частности, хорошо известно, что

при такой форме объединения людей каждый из участников осознает, что совершает преступление не один, а вместе с другими (другим), т.е. **совместно**, или присоединяет свои действия к уже начавшимся действиям другого лица или группы лиц. В таких случаях умысел на совершение определенных действий может возникнуть одновременно у нескольких лиц сразу без предварительногоговора, каким-либо образом проявленного вовне (слова, жесты, мимика и др.), либо лицо или несколько лиц сознательно присоединяются к совершению уже начавшегося преступления с молчаливого согласия всех участников. Эти преступления могут быть не менее, а нередко и более опасными, чем преступления, совершенные по предварительномуговору, поскольку предварительныйговор, как правило, предполагает точное, достаточно оптимальное число участников для совершения конкретного преступления. В то время как число участников групп без предварительногоговора может быть любой и достигать нескольких сотен и даже тысяч человек. Такая форма совершения группового преступления получила широкое освещение в науке уголовного права России в конце XIX – начале XX в. под названием «скоп» [13].

О необходимости выделения подобных объединений писали И.И. Карпец, Р.Р. Галиакбаров, А.В. Шеслер, Ю. Демидов и др.

Представляется, что имеющее место в научной литературе сужение понятия «преступная группа» до определенной формы соучастия в преступлении не является обоснованным, поскольку всякое преступление, совершенное в соучастии, предполагает наличие обязательного признака группы – **совместности** в осуществлении деятельности. А совместная деятельность невозможна без единства цели в достижении результата.

Считая, что о преступной группе можно говорить при любой форме соучастия в преступлении, мы тем не менее не склонны отождествлять эти понятия. Понятие «преступная группа» по своему объему может совпадать с соучастием, а может не совпадать.

Соучастие в преступлении всегда предполагает **множественность субъектов**, а групповое преступление – **множественность лиц**. Поэтому в случае совершения преступления совместно группой лиц, из которых лишь одно является субъектом преступления, а остальные не могут быть привлечены к уголовной ответственности в связи, например, недостижения возраста, с которого установлена уголовная ответственность, или невменяемости этих лиц, соучастия не будет.

Таким образом, понятие «группа» вводится в уголовно-правовую науку и уголовное законодательство для того, чтобы **определить и ограничить** круг конкретных лиц, принимавших участие в совместном совершении конкретного преступления, т.е. соучастников совместной преступной деятельности (чтобы «никто не выпал» и никто необоснованно не попал). Лица, совместно совершившие преступление, выступают через группу как участники и одновременно соучастники преступной группы. А поскольку группа – это общность людей, имеющая определенную структуру,

то это помогает определить степень участия каждого члена группы в совершении конкретного преступления, т.е. определить **меру участия, меру вовлеченности** в совместную преступную деятельность, **меру ответственности**, которая через группу может быть определена более точно.

Очевидно, что при рассмотрении групповых деятельности научу уголовного права в соответствии с действующим уголовным законодательством интересует главным образом первый аспект, который связан с решением группой задачи по осуществлению той ос-

новной функции, по поводу которой группа сформировалась в рамках определенной социальной структуры, т.е. задачи, направленной на совершение преступления (преступлений). Второй аспект, связанный с поддержанием внутреннего равновесия и устойчивости в группе, сохранения ее как целого, особого значения для уголовно-правовой науки и уголовного законодательства не имеет, поскольку он не связан напрямую (причинно) с совместным совершением преступления членов группы. Данный аспект является предметом рассмотрения криминологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М. : Юрид. лит., 1980. 80 с.
2. Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении. Волгоград : Волгоградская правда, 1971. 43 с.
3. Гришаев В.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М. : Госюриздан, 1959. 256 с.
4. Мартцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск : Ом. юрид. ин-т МВД России, 2000. 135 с.
5. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. 213 с.
6. Ткаченко В.И., Царегородцев А.М. Вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц // Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1979. С. 17–20.
7. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. 139 с.
8. Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за хищение государственного имущества. М. : Изд-во МГУ, 1962. 34 с.
9. Кругликов Л.Л. Группа лиц, как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989. С. 125–134.
10. Фролов А.С. Соучастие в преступлениях несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. 19 с.
11. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6.
12. Ременсон А.Л. Исследование о соучастии // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 116–118.
13. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М. : Издание Карцева, 1912. 668 с.

GROUP CRIME IN THE CRIMINAL LAW AND RUSSIAN CURRENT CRIMINAL LEGISLATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11(1), pp. 152–155. DOI 10.17223/23088451/11/30
Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: criminal group, complicity, crime, modernity, subject, multiplicity.

The term “group” is introduced into the criminal law and criminal legislation in order to determine those people who took part in the joint commission of a certain crime, i.e. accomplices of joint criminal activity (not to miss anyone and not to accuse someone innocent). People who are involved in a group crime are participants as well as accomplices in a criminal group. Since the group is a community of people with a certain structure, it helps to determine the degree of participation of each group member in the commission of a certain crime, i.e. to determine their measure of participation, involvement, and liability more precisely.

REFERENCES

1. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppovykh prestupleniy* [Qualification of Group Crimes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Zelinskiy, A.F. (1971) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a crime]. Volgograd: Volgogradskaya Pravda.
3. Grishaev, V.I. & Kriger, G.A. (1959) *Souchastie po sovetskому ugolovnomu pravu* [Complicity in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
4. Martsev, A.I. (2000) *Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii* [General questions of the doctrine of crime]. Omsk: Omsk Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.
5. Filimonov, V.D. (1971) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika* [The public danger of the criminal's identity]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Tkachenko, V.I. & Tsaregorodtsev, A.M. (1979) Voprosy kvalifikatsii prestupleniy, sovershennykh gruppoj lits [Issues of qualification of crimes committed by a group of people]. In: *Problemy bor'by s prestupnost'yu* [Problems of combating crime]. Omsk: [s.n.]. pp. 17–20.
7. Galiakbarov, R.R. (1972) *Gruppovoe prestuplenie* [Group Crime]. Sverdlovsk: [s.n.].
8. Tkachevskiy, Yu.M. (1962) *Ugolovnaya otvetstvennost' za khishchenie gosudarstvennogo imushchestva* [Criminal liability for theft of state property]. Moscow: Moscow State University.
9. Kruglikov, L.L. (1989) Gruppa lits, kak kvalifitsiruyushchee obstoyatel'stvo [A group of persons as a qualifying circumstance]. In: Kruglikov, L.L. et al. *Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya* [Improvement of criminal legislation and practice of its application]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 125–134.
10. Frolov, A.S. (1968) *Souchastie v prestupleniyakh nesovershennoletnikh* [Complicity in the crimes of minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
11. Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. (1966) 6.
12. Remenson, A.L. (1960) Issledovanie o souchastii [On complicity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 116–118.
13. Poznyshев, S.V. (1912) *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava* [The basics of the Criminal Law]. Moscow: Izdanie Kartseva.